

торам во вне, мы обречены на тихое исчезновение, сперва духовно, а потом просто и физически. Точно также был бы рад, если кто нарисовал бы мне возможности иных светлых картин, исходя из моего определения нашего настоящего положения.

Но легко рисовать мрачные картины и на основании их каркать всякие ужасы. Меня могут спросить станичники, какой же я вижу выход из положения. И на это я вот что отвечаю:

Часть казачьей общечественности, или группа общественных деятелей, скажем, увидела грядущую опасность для казачьего национального бытия и нашла, что единственная возможность спасения Казачества заключается в том, чтобы поставить казачий вопрос на новые рельсы и на этих путях искать счастья. Это — вольные казаки, которые выдвинули вопрос казачьего самоопределения, преподнесли как Казачеству, так и внешнему миру идею казачьей самостоятельности. Все пути нами были в недавнем прошлом исхожены, все они, если не ухудшали нашего положения, то, во всяком случае, не улучшали. Нам остается попытаться взять, что называется, свою судьбу в свои руки и, худо ли, хорошо ли, ковать наше счастье нашими руками.

И вот, по моему искреннему убеждению, если ка-

зачья эмигрантская масса и ее интеллигенция дружно, с решимостью сделать так, или умереть, возьмутся за поддержку своего национального движения и достигнут в этой работе того, что это наше движение станет вопросом международного характера, как того почти достигли украинцы, то при первой подвернувшейся подходящей международной ситуации мы обеспечим свою свободу, а следовательно и свое национальное возрождение и экономическое процветание.

Суть моей мысли, значит, такова: наше сегодняшнее положение печальное, но если дружно станем на путь политики самостоятельности, то еще можем спасти, а иначе погибнем. Вот почему я — вольный казак и вот почему я думаю, что все преданные сыны Казачества без всяких „разговоров“ и не ожидая никаких либо „предложений“ должны стать на путь самостоятельности и идти к нам единым потоком, а не растекаться на маленькие едва журчащие ручейки. Особенно мне не понятны те казаки, которые якобы сочувствуют вольноказачьему течению, но с таинственным многозначительным видом стоят в стороне. Я калмык, но умышленно говорю все время в этой заметке, только о казачестве, ибо считал и считаю, что судьбы их есть и будут одинаковы. Шалвур Нимино.

Казачья эмиграция.

Что такое „Войсковой праздник“ 18 (5) октября?

Для полной характеристики дня 18 (5) октября не лишним будет привести здесь несколько выдержек из русской газеты „Русский голос“ (в Белграде), где помещены отчеты о праздновании казаками (не всеми!) дня покойного цесаревича в Белграде и Новом Саду.

Из отчета о „праздновании дня войскового праздника Донского и Кубанского казачьих войск в г. Белграде 18 октября 1931 г.“ узнаем, что 1. вечная память убиенным и умершим начата с „Атамана всех казачьих войск цесаревича Алексея“. 2. В последовавшей затем „дружеской трапезе“ тосты пили за „русский Общевоинский союз“ и за „представительство Всероссийского Земского Союза“. Из песен пели: „Скажи-ка, дядя, ведь не даром...“

Еще более интересен отчет о „казачьем празднике“ в Новом Саду: „Новосадская Обще-казачья станица в этом году торжественно отпраздновала свой Войсковой праздник, в воскресенье, 18 октября, в день Тезоименитства Е. И. В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Августейшего Атамана всех казачьих войск... Праздник начался прохождением казаков через весь город в своих красочных формах под командой своего атамана есаула Протопопова. Разноцветные черкески, алые и желтые лампасы, голубые фуражки... Русские при виде своих доблестных казаков невольно, мысленно, переносились в Россию...“

В церкви, конечно, поминали „Августейшего Атамана... и казаков за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших...“ На последовавшем потом „банжете“ пили прежде всего „за Русскую армию и Главнокомандующего ген. Миллера“ и исполняли Преображенский марш...

Из Белградских газет узнаем, что в тот же день, 18 (5) октября, праздновала там свой праздник и... русская полиция! Оказывается, что этот день в царской России был и годовым „праздником русской полиции“.

Не наводит ли это „совпадение“ вас, братья казаки, на некоторое размышление относительно недавнего прошлого?

Казаки, не держитесь за то, что было вам когда то навязано — прошлое не вернется, будем лучше думать о своем будущем!

Не празднуйте больше дня 18 (5) октября — это не казачий праздник.

На докладе Ш. Балинова в Париже.

1 ноября в Париже Донская парижская станица устроила публичное собрание, на котором Ш. Н. Балинов прочел доклад на тему „Чем стало Казачество“. Заполнившая зал аудитория с большим вниманием и интересом выслушала доклад, несмотря на то, что он продолжался три часа.

Ровно в 2¹/₂ часа председательствовавший на собрании атаман Донской станицы А. Н. Трофимов представляет слово Балинову, который сначала передает пламенный привет парижским вольным казакам от „Союза вольных казаков в Лионе“ и от группы вольных казаков в Южине, куда он тоже ездил читать свой доклад. Затем докладчик подробно разобрал следующие положения:

1. Донское казачество являло из себя самостоятельное, ни от кого независимое государство, и от этой своей государственной независимости казаки никогда не отказывались, за нее жертвенно всегда боролись, к ней и теперь стремятся;

2. что эта казачья государственная независимость физической силою Москвы была подавлена, что такое столкновение не случится и не могло, ибо Казачество и Москва были два различные духовно-политические миры — Свобода (Казачество) и Деспотия (Москва), для подтверждения какового своего утверждения докладчик цитировал исключительно русских авторов;

3. что вся московская политика в отношении Казачества, после его сильного подавления, носила все признаки колониальной политики и все московские мероприятия в отношении казаков преследовали одну определенную цель: подмены вольных казаков служилыми казаками, „царскими слугами“, для чего важнейшим средством считали искусственное задержание культурного развития казаков и воспитание в них „воинского духа“. В результате этой 200 лет продолжавшейся московской „затемнительной“ политики, искусственной подмены вольных казаков „казачками“ — казаки превратились в „полукрепостных рабов“, как говорит проф. Сватиков, а Казачество в „аракчеевские военные поселения“, как говорил когда то В. А. Харламов.

В заключение докладчик с большим душевным подъемом процитировал молодых казачьих поэтов и выразил свою глубокую веру в возрождение Казачества и Казачьей Независимости.

В последовавших затем прениях приняли участие многие казаки и даже не казаки. Некоторые из них за поздним временем не могли высказаться.

Первым выступает астраханец Киктев, который говорит, что доклад прекрасен, составлен великолепно. За него я жму руку Балинову. Но все же он сожалеет, что докладчик говорил только о прошлом, а не о программе будущего, ибо нас больше интересует не чем было Казачество 100 лет тому назад, а чем оно станет через 50 лет. Вот если бы ктонибудь нам сказал это — чем должно стать и будет Каз-во через 50 лет!.. Наши „вожди“ от нас отвернулись, бросили нас, потому что они нас ограбили... Я говорю о нашем Атамане, который открыл кожаный завод... Не на фабрике же он заработал свой завод? Слабость казаков заключается в том, что нас не вожди наши организуют, а мы сами с низов организуемся, а вожди приходят потом. Так было всегда... А когда мы слабеем — „вожди“ разбегаются, нас бросают... Так и теперь — мы должны сами организовываться, а когда сорганизуемся, „вожди“ к нам приплетутся... Только не надо задаваться неосуществимой целью — сорганизовать всех. Этого и не надо. Если мы даже все сорганизуемся, будут с нами даже все наши „вожди“, то и тогда мы сами по себе, без посторонней помощи, бессильны. Поэтому надо сорганизовать хоть небольшой казачий кулак и им стучать во все двери... Надо нам говорить о том — каким образом добиться своей цели? Я хочу вперед, а не топтаться на месте... Я хочу стучаться... Кровь казачья кипит, сердце бурлит...

— Выступивший затем Якименко говорит „об одной исторической неточности доклада“, а именно, что докладчик сказал, будто движение Булавина потерпело поражение в значительной степени потому, что на обращение Булавина к Запорожцам об оказании помощи, последние в этой помощи ему отказали. Это неверно. Можно сказать и само то движение Булавина было рождено в значительной степени запорожцами, движением гет. Мазепы, его борьбой с Петром I. Но беда заключалась в том, что тогда главным фронтом против Москвы считались, Запорожье, Украина, а на Дон смотрели, как бы на подсобный фронт...

— Казанков говорит, что прав докладчик, говоря о прошлом, ибо всякое настоящее основывается на прошлом. Прав и Киктев, желающий стучаться, использовать всякий момент, случай в борьбе за казачью независимость, ибо отдельные моменты, случаи, во время и умело использованные, иногда в истории имеют решающее значение. В подтверждение этого, он приводит несколько примеров из времен недавней борьбы Казачества с большевиками. Поэтому, по мнению Казанкова, надо быть готовым к тому, чтобы использовать каждый удобный момент, надо неустанно „стучаться“...

— Полк. Жуков говорит, что станичник Киктев не совсем внимательно, очевидно, следит за В. К., в противном случае он знал бы, что В. К. уже сделало выводы, логически вытекающие именно из нашего прошлого и ясно, недвусмысленно ответило на тот вопрос, который интересует Киктева — чем должно быть Казачество в будущем. Ответ этот заключается в очень краткой формуле: Судьба Казачества в его собственных руках. Никаких одекунов, никаких господ! Остается только реализовать эту ясную и определенную нашу политическую цель. А для этого нужна большая подготовительная работа... Я согласен — „стучаться“ надо. Но и „стучаться“ надо с толком. Медведь дуги гнул, Мартышка очки примеряла. Трудились долго и много, но толку то от их труда никакого не получилось. Лбом стену не протыкаешь, останется только шишка. Прежде чем „стучаться“, надо подготовить почву... Кто собирается нанести удар, или поднять вошу, тот прежде всего старается потверже опереться ногами, ищет твердую опору. Так и мы должны опереться. А такой опорой является для нас как раз наше прошлое, наша история, о которой сегодня обстоятельно поведал нам докладчик. Надо произвестись маловидную со стороны, неблагоприятную, но бесконечно трудную предварительную, подготовительную „черную“ работу... Надо хорошо ознакомиться всем нам с идеологией В. К. и в меру своих скромных сил способствовать ее распространению и утверждению...

— Ген. генерального штаба Веселовсков (рус-

ский) говорит, что он пришел сегодня сюда, узнав, что здесь состоится доклад по казачьему вопросу и с большим вниманием и интересом выслушал г. Балинова. Затем высказывает „только два свои соображения“. Во-первых, нельзя обвинять Россию за то, что она в прошлом жестоко обошлась к Казачеством, ибо вся история человечества нам говорит, что все большие государства укреплялись, основывались на человеческих гекатомбах... Когда Россия сколачивалась из отдельных маленьких княжеств, то и она шла по этому общему для всех пути — лилась человеческая кровь и лилась много... Другое его „соображение“ выразилось в обращении к казакам, порывом и верой которых он восторген, изучать военное дело, не отставать от своего времени, быть готовыми к разумной борьбе, вооруженными знанием, ибо военное дело за это время сделало огромное развитие...

— Ген. Быкадоров говорит, что он принимал живейшее участие в В. К., но теперь вот уже полтора года, как от него отошел в сторону, хотя „я ни от одного слова своей „Истории Казачества“ не отказываюсь, а лишь сожалею, что одновременно не выступил и вторую часть истории, которая сейчас готова к печати. В этой части доказывається, что самостоятельность Казачества кончилась раньше движения Разина, а именно в 60-ых годах, и не под давлением России, а в результате напряженной борьбы Каз-ва с Турцией, когда Каз-во добровольно отказалось от своей независимости... Каз-во было самостоятельным, независимым государством, но за эту независимость оно дорого платило. Когда Каз-во, Украина и Великороссия объединились в одно целое, то само собой разрешились много больших вопросов, например, выход к морю. Надо быть справедливым, Каз-во из этого объединения извлекло много выгод для себя... Я не отказываюсь от своего старого принципа — во имя освобождения Казачества — хоть черт союзник. Но моя двух-сорок-летняя работа в В. К. мне показала, что у В. К. союзников нет. Мы „стучались“ и „стучались“ упорно, но союзников не нашли. За это время „В. К.“ пробудило только казачье сознание, а дальше что? Дальше ничего... Нет никаких реальных достижений. Нет и союзников. Украина — против; Горцы — против. Идея Казакии большие враги, чем русские, петлюровцы. И Россия стала врагом, а положение Казачества? Для меня благо Казачества — выше всего. Поэтому надо выбрать другой путь — единение Казачества и такое единое Казачество в составе сильного государства (?). Лучше быть Казачеству в целом в составе одного сильного государства, чем разорванным на три части — Кавказ, Украина и Россия... Идея Казакии не осуществима. Добиваться нужно не идеального, но возможного“... Затем Быкадоров пускается в длинный анализ казачьей психологии, которая, по его мнению, характеризуется двумя основными чертами: отсутствием материальной жертвенности у казаков и наличие у них психологии — получать „способия“, „отдай полагаемое“. Доказательство: когда то казаки, попавшие в плен, ходили к Папе Римскому просить „способия“; героический фронт Верхне-Донцов развалился, главным образом, потому, что „какому-то полку не выдали обуви“, как пишет герой восстания Кудинов, т. е. не выдали им „полагаемого“. Также указывает на ошибочность, несправедливость — что большевизм чисто русское явление, ибо, по его мнению, в 1917 году и Казачество целиком добровольно восприняло большевизм... В своем выступлении Быкадоров, между прочим, указал, что идя сюда сегодня, он не думал, что Донская парижская станица состоит из самостийников, а шел сюда „просто побеседовать с казаками“. Очевидно, такое многолюдное и такое единодушно настроенное собрание его сильно смутило.

Это неопределенное и „осторожное“ выступление Быкадорова вызывает полное недоумение и резкий отпор всей аудитории. И только выступивший после него Гладков в „от души приветствует выступление ген. Быкадорова“ и пускается на доказательство того, что у казаков, кроме русских, нет союзников. Надежда на союз с Грузией смешна, — говорит он, ибо казаки, особенно кубанцы, хорошо знают, что такое Грузия, грузины. Украина так и метит, как бы безболезненно прогло-

тить Кубань, Горцы — Терек, а потому, по мнению Гладкова, нужно смиренно сложить свои лапки и просить прощенья у русских...

— Чертков приветствует докладчика за его обстоятельный доклад, ибо свое будущее мы сможем хорошо построить, если мы будем знать хорошо наше прошлое. Изучение нашего прошлого дает нам ключ к пониманию того — кто наши истинные союзники, кто — враги. Затем он горячо и дельно возражает Быкадорову и Гладкову, что вызывает дружные аплодисменты аудитории.

— Молодой донец Захаров выражает свое удовлетворение по поводу доклада и столь же горячо возражает Быкадорову и Гладкову. Вы говорите нам, что Грузия — ерундовый союзник, ничтожная, бессильная страна, никакого значения для нас не имеющая. А я спрашиваю вас, почему на всем протяжении этих 12 лет только эта „ничтожная страна“ борется с большевиками непрерывно, почему только там происходят противосовские восстания, а ваш „великий русский народ“ не издает и звука?..

— Быкадоров просит слова, чтобы ответить на поставленный ему Гладковым вопрос — является ли Казачество нацией? и говорит, что понятие нация — сложное понятие, понятие государственное. Есть, например, американская нация, но Америка населена различными народами. „Я в своем исследовании говорю, что „Казачество — особый народный организм“. Но это вопрос — чисто теоретический, для политической цели В. К. решающего значения не имеющий, ибо один и тот же народ может образовывать отдельные государства, как, например, один немецкий составляет два государства — Германию и Австрию. Я продолжаю оставаться вольным казаком, ибо я казак на все 100%, ни от одного своего слова, прежде сказанного, я не отказываюсь. Я категорически протестую против утверждения, что В. К. — „измена“, „предательство“ России. Никакой измены, никакого предательства нет и не может быть! Ибо все обязательства Казачества разрушены революцией и осталось только пустое место, на котором можно строить какое угодно здание! Но я откровенно говорю — перестал верить в осуществимость этой цели. Невозможно осуществить... Если вы веруете, то в добрый час, дай Бог вам успеха. Кто верует — веруйте, но делайте дело, ибо вера без дела — мертвая вещь. Делайте, действуйте, если у вас будет дело, я рад буду служить вам и в качестве рядового... Но сейчас у меня нет веры... За 4 года В. К. почти ничего не сделало. В этом, конечно, не виноват ни Белый, ни Быкадоров, ни другой кто, а казачья инертность, отсутствие у казаков готовности к материальным жертвам во имя общего дела. Казак готов пожертвовать и руками и ногами, и головою и жизнью, но вот материальные жертвы он не может делать. Я спрашиваю вас — внесли ли вы подписную плату за журнал „В. К.“? Я уверен, что нет... Нельзя винить чужих „вождей“. Ведь из казачьих министров 70% оказались ворами... Нужна жертвенность, а казачество выдохлось“...

(Окончание следует).

Доклад Ш. Н. Балинова в г. Лионе.

Недавно возникший в г. Лионе „Союз Вольных Казаков“, устроил 11 октября с. г. в своем собственном помещении (Grand Café — Restaurant Terminus, place Ronde, Montchat, Lyon — terminus tramv. № 2) — доклад Ш. Н. Балинова, специально прибывшего в г. Лион из г. Парижа.

„Чем стало Казачество“ — тема доклада Ш. Н. Балинова — привлекла в помещение Союза Вольных Казаков свыше ста казаков, которые — надо отдать справедливость — явились дисциплинированными и внимательными слушателями.

Нечего и говорить о том, что доклад прошел с блестящим успехом, как для самого докладчика, так и для дела развития вольно-казачьего движения в г. Лионе. Касаясь последнего, отметим, что на докладе Ш. Н. Балинова присутствовал и ряд французских журналистов, каковое обстоятельство, является весьма показательным фактом в наши дни... Предполагая, что доклад Ш.

Н. Балинова „Чем стало Казачество“ (сделанный им в г. Лионе), будет напечатан на страницах журн. „Вольное Казачество“, или же выйдет отдельной брошюрой, не будем цитировать его построчно, а отметим лишь некоторые основные „яркие“ моменты...

— „Был казачий народ. Давлением гнетущего бремени Российских государственных верхов — появилось „казачье сословие“, и как прямое следствие „руссификации Казачества“ — расказаживание казаков со стороны — нынешних хозяев России.

Полное гражданское бесправие казака в России (и царской, и республиканской, и большевицкой), расхищение Казачьих Земель со стороны Российских властей, тягостная военная служба, оскудение и обнищание Казачества и — безусловное злоупотребление русской властью казачьей военной мощью... суть веки пути пребывания Казачества в составе России“. Так в кратких чертах можно представить сущность доклада Ш. Н. Балинова.

Оппонировать докладчику никто из присутствовавших казаков не докладе не пожелал, лишь только один есаул П. П. Лаврентьев (терец) встал и сказал: „Бесполезно г. председателю собрания предлагать высказаться по существу доклада, ибо то, что говорил докладчик есть сущая истина, знакомая казаку еще с детства“.

Действительно, ни один из присутствовавших на докладе казаков, ничего не сказал противного по существу доклада „Чем стало Казачество“.

Все что говорил Ш. Н. Балинов — так близко, так дорого, так просто и понятно каждому казаку, но не тем нескольким „казакам“ из „Родимого Края“, которые в данное время огрызаются, как какие-то шавки, кривя и душой и разумом...

Можно полагать, а вернее рассчитывать, что в недалеком будущем, Ш. Н. Балинов зачитает вновь доклад в г. Лионе, чем доставит много удовольствия для всей казачьей колонии в г. Лионе.

А. К. Ленинов, предст. журн. „Вольное Казачество“ в г. Лионе, председательствовавший во время доклада, по окончании оного сказал краткое благодарственное слово от имени собравшихся казаков, по адресу Ш. Н. Балинова.

Кончился доклад, были сдвинуты столы и стулья, запелось вино в стаканах, полилась старинная казачья песня, ударились в танцы — лихие танцоры, вольные казаки г. Лиона чествовали своего дорогого гостя — Ш. Н. Балинова — ред. журн. „Ковыльные Волны“ и пред. калмыцкой национальной группы „Хальмак-Тангачин-Тук“.

Поздним вечером, разошлись вольные казаки по домам, выпив по предложению С. С. Настюшева — предс. Союза Вольных Казаков г. Лиона, последний бокал вина в честь редактора журн. „Вольное Казачество“. Здравнца председателя Союза В. К., была покрыта долго несмолкаемым уралом.

10-го октября местное представительство журн. „Вольное Казачество“ в г. Лионе давало официальный ужин в честь Ш. Н. Балинова, как своего собрата-сотрудника по журн. „В. К.“.

(Соб. кор.).

По стопам Богаевского и Мельникова?

(Письмо из Югославии.)

На так давно Казачество во Франции было взволновано грубыми словами Донского Атамана, брошенными по адресу тех казаков, которые отказались пойти совместно с эмигрантскими организациями на могилу Неизвестного Французского Солдата, отстаивая свое право и достоинство в глазах французского народа. Не так давно Атаман Богаевский отказал казаку Шамбе Балинову в праве быть выбранным казаками состаничниками, а уже по всей Югославии, в „Кавказском Казаче“, Кубанский Атаман громит Шабацикую станицу и ее атамана — П. И. Иконникова, вызывает казаков, подписавших приговор № 3, бунтовщиками, а атамана Иконникова — преступником, продававшим „заведомо краденные вещи“ и т. д. и т. д. Мало того одним росчерком пера несколько десятков казаков, бой-